

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2025-17-5-69-89

УДК: 930 – 930.1

EDN OAYSNV

Татьяна Семеновна Бушуева

Институт национальной памяти

г. Москва, Россия

ORCIDid: <https://orcid.org/0000-0002-7298-768X>

t_bush@mail.ru

**МНОГООБРАЗНЫЙ И ЖИВОТВОРНЫЙ ОПЫТ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АКАДЕМИКА Е.В. ТАРЛЕ**

Аннотация. Статья посвящена актуализации научно-культурного наследия выдающегося отечественного историка и первооткрывателя уникальных источников академика Е.В. Тарле, оставившего современникам поучительные уроки по проблемам войны и мира, значения личности и народных масс в историческом процессе, роли русского народа в критические моменты его существования и позаботившегося о том, как надо писать книгу по истории для детей. **Источники.** При написании статьи использованы документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ): Ф.88. Оп.1. Д.1051 – Стенограмма совещания историков в Кремле в 1944 г. Там же среди документов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) находится незаверенная и неправомерная копия (2-й экз. под копирку) машинописной расшифровки стенограммы под названием «Доклад академика Тарле на ученом совете Ленинградского университета – О роли территориального расширения России в XIX–XX вв.». В том же деле находятся неправомерные стенограммы доклада Тарле «О военно-морской тематике в исторической и художественной литературе». В основу статьи лег анализ непосредственных авторских текстов произведений Е.В. Тарле, собранный в академическом издании его трудов (М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957–1962). **Методы.** Проведен анализ авторских текстов основных трудов Е.В. Тарле, его научных комментариев и приложений, свидетельствующий о ха-

рактуре новых исторических источников, введенных в научный оборот при освещении разнообразной проблематики.

Ключевые слова: всеобщая история, Россия, дипломатия, русский народ, Отечественная война 1812, Крымская война, Петр I, Кутузов, Наполеон, континентальная блокада, французская революция, совещание историков 1944 г.

Для цитирования: Бушуева Т.С. Многообразный и животворный опыт историко-культурного наследия академика Е.В. Тарле // Историческая и социально-образовательная мысль. 2025. Т. 17. № 5. С. 69-89

DOI: 10.17748/2219-6048-2025-17-5-69-89

Original article

Tatyana S. BUSHUEVA

Institute of National Memory

Moscow, Russia

ORCIDid: <https://orcid.org/0000-0002-7298-768X>

t_bush@mail.ru

THE DIVERSE AND VITAL EXPERIENCE OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF ACADEMICIAN E.V. TARLE

Abstract. The article is devoted to the actualization of the scientific and cultural heritage of the outstanding Russian historian and discoverer of unique sources, Academician E.V. Tarle who left his contemporaries instructive lessons on the problems of war and peace, the significance of the individual and the masses in the historical process, the role of the Russian people in critical moments of its existence, and took care of how to write a history book for children. **Sources.** When writing the article, the documents of the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) were used: fond 88. Op.1. D.1051 – Transcript of the meeting of historians in the Kremlin in 1944. In the same place, among the documents of the Department of Propaganda and Agitation of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), there is an uncertified and uncorrected copy (2nd carbon copy) of a typewritten transcript of a transcript entitled: "Academician Tarle's report to the Academic Council of Leningrad University on the Role of Russia's Territorial Expansion in the 19–20th centuries." In the same file, there are incorrect transcripts of Tarle's report "On naval subjects in historical and fiction literature." The article is based on an analysis of the direct author's texts of E.V. Tarle's works, collected in the academic edition of his works (Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957–1962).

Methods. The author's texts of E.V. Tarle's major works, his scientific comments, and appendices have been analyzed to reveal the nature of the new historical sources introduced into scientific circulation and their coverage of various issues.

Keywords: general history, Russia, diplomacy, Russian people, Patriotic War of 1812, Crimean War, Peter I, Kutuzov, Napoleon, continental blockade, French Revolution, 1944 Conference of Historians

For citation: Bushueva T.S. The diverse and vital experience of the historical and cultural heritage of academician E.V. Tarle. Historical and Social-Educational Idea. 2025. T.17. No.5. P. 69-89 (In Russ.).
DOI: 10.17748/2219-6048-2025-17-5-69-89

Е.В.Тарле (1874–1955 гг.)

Введение

Евгений Викторович Тарле (1874–1955 гг.) принадлежит к плеяде выдающихся российских (советских) историков XX в.; в его монографиях, статьях, лекциях отражены ключевые события всемирной истории, сделаны поучительные выводы для будущих поколений. Ученый рассматривал историю как «старейшую сокровищницу человеческого знания». Тарле принадлежит почти 600 работ о проблемах мировых войн и великих революций, королях и народах, сложнейших проблемах экономики и тайнах мировой дипломатии. Ему удалось дать историческое объяснение актуальных вопросов современной жизни.

Многие его труды остались непревзойденными в отечественной и зарубежной историографии. В яркой литературной форме ученым созданы исторические портреты и биографические зарисовки многих знаменитостей: Наполеон, Кутузов, Талейран, Петр I, Бисмарк, Карл XII, Витте, Николай I, Александр I, Николай II, Ушаков, Нахимов, Марат, Каннинг, Парнель, Лассаль, Гарибальди и др.

Библиография работ об академике Тарле не столь велика, как того требует масштаб этой личности, хотя вышедшие о нем работы значительны, они затрагивают важнейшие этапы его жизни и судьбы [1]. Архивные фонды, хранящие рукописи и биографические документы Тарле, безусловно, еще ждут своих исследователей¹.

¹ Личный фонд Тарле содержит тысячи малоизученных единиц хранения в архиве РАН (№ 627).

Всплеск интереса к уникальному наследию Тарле произошел в связи с памятной датой –150-летием со дня его рождения. Состоялись многолюдные научные конференции, были организованы «тарлевские» чтения¹. В МГИМО вспоминали о роли Тарле в становлении этого учебного заведения; и.о. ректора Дипломатической академии МИД России С.В. Шитьков обосновал актуальность глубоких трудов Тарле, которые дают возможность делать выводы о сегодняшних днях и о тех процессах, которые у нас происходят.

Тарле имел свой особый взгляд на исторический процесс, на социально-политические, экономические и дипломатические проблемы всеобщей истории; его обширные знания опирались преимущественно на открытые лично им уникальные источники в многочисленных зарубежных и отечественных архивах, национальных библиотеках и музеях. Полученные самобытные знания позволили Тарле воссоздать на страницах его произведений историю сложнейших мировых событий, причем многие темы он трактовал по-иному, нежели предшественники. Тарле был убежден, что «...всякий историк, сколько-нибудь достойный этого наименования, обязан сплошь и рядом либо предпринимать самостоятельные частичные исследования, либо отказаться от своей задачи вовсе» [2].

Теоретические труды Тарле особенно в дипломатической сфере оказались востребованными также на практике в процессе решения сложнейших межгосударственных задач в годы Второй мировой войны. Так, летом 1944 г. он выполнял государственные поручения, находясь на персидской границе, и уже оттуда был срочно отозван для выступления на закрытом совещании историков в Кремле.

Жизнь Тарле была наполнена многими тяжелыми испытаниями: репрессиями в ходе Академического дела, ссылкой, критикой со стороны коллег по цеху историков за отход от марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Ввиду обширности научного наследия Тарле автор настоящей статьи ставил целью *актуализировать научный интерес современников к чтению самих текстов трудов Тарле*: перелистать страницы его важнейших работ, погрузиться в мир его мыслей, рассуждений и главное – поучительных уроков, вспомнить, как говорил Тарле, «секунды», которыми живет история.

Тарле до сих пор остается общепризнанным автором всеобъемлющих работ по истории Великой французской революции как ключевому действию в развитии всемирной истории, а осаду и взятие Бастилии ученый рассматривал как грандиознейшее событие в истории человечества. Тарле написана фундамен-

¹ В феврале 2025 г. в Дипломатической академии МИД России состоялась презентация международной научно-практической конференции «Тарлевские чтения. К новой архитектуре многополярного мира».

тальная двухтомная работа «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (исторические очерки в двух частях)¹ [3].

О ее создании он вспоминал: «Работа, для которой я начал собирать материал 8 лет тому назад, оказалась гораздо сложнее и труднее, нежели я думал, именно вследствие почти полной неразработанности не только вопросов о рабочих, но и общего вопроса о французской обрабатывающей промышленности в конце XVIII столетия; эта работа затруднялась и скудостью источников, разбросанностью документов...» [4, с. 195].

В СССР работа Тарле о рабочем классе во Франции в эпоху революции вышла в 1928 г. в серии исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы, издававшейся Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса. Труд Тарле основан на огромном объеме выявленных им источников. Работу сопровождают *обширные комментарии и приложения* – неизданные документы Национального архива Парижа, архива парижской префектуры полиции, отдела рукописей национальной библиотеки, архива Библиотеки Парижа. Тарле изучал также документы в региональных архивах в Амьене, Бордо и Руане².

Историография истории французской революции свидетельствует, что Тарле, в отличие от своих предшественников, доказал, что *рабочие не являлись движущей силой французской революции*. Он отмечал, что в политическом отношении *рабочие 1789–1792 гг. не играли и не пытались играть никакой самостоятельной роли*, идя сначала вместе с теми слоями населения, которые стремились к низвержению старого порядка, а потом всецело признавая авторитет новых властей. Тарле делал вывод о том, что в 1789–1791 гг. преимущественно лишь среди парижских рабочих проявлялось сколько-нибудь серьезное брожение, в апреле 1789 г. это был беспорядочный стихийный взрыв, вызванный безработицей³ [4, с. 567, 568]. Тарле пришел к выводу, что в политическом отноше-

¹ Труд представляет собой докторскую диссертацию автора, текст которой был опубликован в 1909, 1911 гг. Предваряет этот труд его работа, опубликованная в СПб в 1907 г., и она же, вышедшая в 1908 г. в Германии, «Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции 1789–1799» СПб., 1907. – 201 с., и она же, вышедшая в Лейпциге в 1908 г. – 128 с.

² Документы публиковались на французском языке.

³ В этой работе Тарле затронул множество малоизвестных в то время советскому читателю проблем, касающихся французской революции: стачечное движение 1791 г. в Париже; экономическое состояние Франции 1790–1791 гг.; представители промышленного класса в их обращениях к властям; политические партии и рабочие в период Учредительного собрания; контрреволюционеры и рабочие; демократическое течение и рабочие; манифестация 17 июля 1791 г. формы промышленной деятельности во Франции в конце XVIII столетия; состояние промышленной техники во Франции в к. XVIII в., статистика французской промышленности в к. XVIII в.; формы промышленного производства в городах; роль деревни и формы промышленной детальности в деревне; состояние промышленной техники во Франции к. XVIII в. и др. Тарле подробно пишет об отсутствии крупных промышленных предприятий, господстве различных форм домашней индустрии, громадной роли деревенского промышленного труда, особенно во всех отраслях текстильной индустрии, кроме шелкового производства; примитивизме

нии рабочие после кратковременного подъема 1792–1793 гг., обусловленного распрей между жирондистами и монтаньярами¹, не играли никакой самостоятельной роли ни в 1794 г. при падении Робеспьера, ни в 1795–1799 гг.; они пассивно ждали перемены, возлагая надежды свои то на воскрешение режима Робеспьера, то на «военное правительство», которое их избавит от Директории, самая перемена им нужна потому, что, по их мнению, они дошли до последних пределов бедствий вследствие голода и безработицы.

Тарле приводил факты о том, что захват власти генералом Бонапартом приветствовался рабочими как начало лучшей для них эры. Он подчеркивал, что за всю рассматриваемую эпоху рабочие не обнаруживают, вообще говоря, ни малейших признаков принципиально враждебного отношения ни к основам господствовавшего экономического строя, ни к какому-либо из политических режимов, начиная с Учредительного собрания и кончая Консульством. Сознание классовой обособленности, чувство товарищеской солидарности, за немногими исключениями, мало проявляется в рабочей среде в рассматриваемый период. Тарле приходит к выводу, что жерминаль и прериаль² знаменовали последние массовые выступления рабочих предместий Парижа во время французской революции [4, с. 561].

Эта точка зрения Тарле советской историографией воспринималась критически. А.З. Манфред, член редколлегии по изданию собрания сочинений Тарле, отмечал, что работа о французской революции была написана в тот период, когда научные воззрения и общие идейные позиции ее автора были еще весьма далеки от тех, к которым он пришел к концу своей жизни [4, с. 6].

В современной научной дискуссии, активизировавшейся в последние десятилетия, о причинах распада Российской Империи, о значении Октябрьской революции и роли ее вождей (фильм 2025 г. «Мумия») тема преемственности русской и французской революций постоянно присутствует. С этой точки зрения для серьезно изучающих причины и последствия революции в России работа Тарле чрезвычайно поучительна. Можно также вспомнить, что в 1970-х годах советского периода изучения истории Великой октябрьской революции 1917 г.

промышленной техники сравнительно с Англией и отчасти с Голландией, немецкой Швейцарией и западногерманскими странами.

¹ Жирондисты и монтаньяры – политические фракции в эпоху Великой французской революции.

² Завершающий труд Тарле «Жерминаль и прериаль. Очерки по истории французской революции», охватывающий историю массовых выступлений и движений в Париже весной 1795 г. Анализируя события, Тарле подчеркивал, что коалиция разнохарактерных собственнических слоев города и деревни – вот кто оказался истинным победителем и в жерминале, и прериале и вот кто пожал все плоды победы. Что касается реставраторов и идеологов феодально-абсолютистского строя, то их попытка вырвать эту победу, учесть ее в свою пользу не удалась и не могла удалась.

имелось направление (подвергавшееся официальной критике), приверженцы которого не считали, подобно французскому примеру, рабочий класс главной движущей силой революции и приоритет отдавали крестьянству.

Работа Тарле по-прежнему в современной историографии рассматривается как самый значительный труд по проблеме французской революции.

После Октября 1917 г. против советской России со стороны многих зарубежных стран осуществлялась политика «непризнания», иными словами экономическая и политическая изоляция, по сути блокада. История повторяется, и в XXI в. со стороны многих зарубежных государств активизировалась против Российской Федерации так называемая санкционная война. В этой связи весьма поучительные уроки из прошлого может напомнить фундаментальное исследование Тарле «Континентальная блокада. 1. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I».

Тарле исследовал проблемы континентальной блокады – экономических и политических ограничений, устроенных Наполеоном Бонапартом в 1806–1814 гг. против Англии с целью противопоставить ей весь Европейский континент. Объемная книга Тарле состоит из трех частей: 1-я – под названием правительственная власть и ее отношение к промышленным интересам Франции в эпоху консульства и империи, с приложением ранее неизвестных документов вышла в свет в 1913 г.; 2-я – посвящена экономическим отношениям между империей Наполеона и другими континентальными странами в эпоху блокады; 3-я – французской промышленности в эпоху континентальной блокады [5]. Историография единодушно оценивает это исследование Тарле, основанное на ранее неизвестных источниках, как одно из лучших мировых произведений, вскрывающее противоречивость и обреченность континентальной блокады.

В своем труде Тарле отмечал, что идея этой системы принадлежала именно Наполеону I, считавшему блокаду эффективным средством давления на Великобританию¹. Тарле констатировал, что континентальная блокада оттого и сделалась любимой идеей Наполеона², основной пружиной его политики, что она, как ему представлялось, в одно время и губила английскую мощь, и способствовала развитию французской промышленности.

Тарле полагал, что наполеоновское правительство всегда мечтало о расширении рынков сбыта для французской промышленности, желало расширить эти рынки и предоставить как их, так и рынок внутренний в монопольное поль-

¹ В историографии имеются исследования о том, что впервые практически экономическую блокаду Англии устроил Павел I на рубеже 1800–1801 гг.

² В течение 1807 г. к континентальной блокаде помимо Франции, Италии, Голландии, Испании и Дании присоединились Россия и Пруссия (1807 г.), с 1809 г. – Австрия, Швеция.

зование французской промышленности. Тарле подчеркивал, что Наполеон считал для себя аксиомой два положения: 1) государство не может быть сильным без сильной промышленности; 2) не может существовать сильная промышленность без протекционизма.

Тарле объяснял, что Наполеон думал противопоставить Англии Европу, а в это время *Европа восставала на него, соединялась с Англией*, разбивала таможенные кордоны, раскрывала порты англичанам, ликующими приветствиями встречала первые открытые, легальные, а не контрабандные высадки англичан и выгрузку английских товаров.

Все это свидетельствовало об утопичности мыслей Наполеона с помощью блокады «изменить судьбы мировой торговли, повернуть историю к доколумбовским временам»; противопоставить Англии европейский континент как нечто целое, изгнать английскую торговлю из всех европейских рынков и этим нанести неприступному врагу решительный удар. Тарле впервые привел огромный по объему архивный материал, свидетельствующий, как блокада отразилась на всех европейских государствах, а также на Соединенных Штатах.

Ссылаясь на источники, Тарле привел факты о том, как известие о гибели наполеоновской армии в России, и особенно о том, что война будет продолжаться, преисполнили население Гамбурга ликованием. «Идут русские, освободители!». Так в Гамбурге говорили весной 1813 г., еще до того, как в самом деле пришло освобождение». Тарле делал вывод об очевидности того, что континентальная система не могла остаться в прежнем виде, когда гром гремел над наполеоновской империей.

Конец 1813 г. и начало 1814 г. были временем тяжких бедствий, пережитых французским торгово-промышленным классом и французскими рабочими; утопия политики Наполеона выявилась слишком поздно: как раз тогда, когда континентальная блокада доживала последние дни.

По оценке Тарле, для Европы исход войны 1812 г. стал сигналом к восстанию против наполеоновского владычества. Политически Англия от Наполеона никогда не зависела, как зависел от него весь европейский материк, но, разумеется, *континентальная блокада была покончена русской победой, и английские товары потоками хлынули во все страны Европы, так долго закрытые. Гибель Наполеона пошла на пользу Англии.*

В 1813 г., после поражения Франции в войне с шестой антифранцузской коалицией, европейские государства отказались от соблюдения континентальной блокады, а с реставрацией Бурбонов во Франции в апреле 1814 г. блокада была окончательно отменена.

В значительной степени выводы Тарле о сущности континентальной блокады созвучны и поучительны для современных межгосударственных отношений, конечно, с учетом особенностей исторической ретроспективы.

Значительное место в историко-культурном наследии Тарле занимала тема *истории патриотических усилий русского народа в критические периоды его существования*. Тарле делал вывод: «Когда героизм соединяется с глубоким и непререкаемым внутренним сознанием полнейшей нравственной правоты своего дела (а это всегда бывает в справедливых войнах), то в летописи истории вписываются подвиги, остающиеся самым чистым и высоким моральным достоянием народа» [5, с. 661].

Обращаясь к истории Отечественной войны 1812 г., Тарле писал, что она оставила глубокий след и имела колоссальные последствия во всемирной истории [5, с. 733]. Он эмоционально писал о том, что «не пропадет никогда память о русских крестьянах, которые выходили против победивших весь мир наполеоновских кирасир и гренадер с плохими ружьями, с вилами, с топорами и дрекольем» [5, с. 661].

Тарле проводил мысль о том, что нашествие Наполеона на Россию было самой откровенной грабительской империалистской войной самодержавного диктатора, твердо связавшего свое владычество с интересами французской крупной буржуазии. Летом 1814 г., уже после первого отречения Наполеона, Гнейзенау¹ писал Александру I о превосходном духе русской нации, о ее ненависти к чужому угнетателю, как факторах, которые спасли цивилизованный мир от деспотии неистового тирана.

Тарле превосходно отзывался о М.И. Кутузове как замечательном стратеге и глубоком политике. «Кутузов был русским героем, великим патриотом, великим полководцем, что известно всем, и великим дипломатом, что известно далеко не всем. Историческая заслуга Кутузова, который против воли царя, против воли даже части своего штаба, отметая клеветнические выпады вмешивавшихся в его дела иностранцев, провел и осуществил свою идею» [6, с. 34–82].

Тема Отечественной войны 1812 г. проходит через наиболее известные отечественному читателю исторические труды Тарле – «**Наполеон**» и «**Нашествие Наполеона на Россию**»². Можно напомнить, что при первой публикации книга о Наполеоне была подвергнута официальной критике, и лишь позднее академик М.В. Нечкина признавала, что этот труд внес значительный вклад в науку, так как впервые было проведено тщательное исследование экономической базы возникновения бонапартизма, раскрыто лицо диктатора, стремившегося к миро-

¹ Гнейзенау, Нейдхардт фон – прусский фельдмаршал.

² «Наполеон» впервые опубликован отдельным изданием в 1936 г. на 624 с. в серии «Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Вып. 4–6. В собрание сочинений труд Тарле вошел по изданию: М, Госполитиздат, 1942 г. – 368 с. (См. Тарле Е.В. Соч. Т. VII. М. Изд-во АН СССР, 1959. – 866 с.).

вому господству. Нечкина отмечала, что выход работ «Наполеон» и «Нашествие...» стал событием в советской исторической науке.

Тарле в своих работах рассуждал следующим образом:

«Сам Наполеон своим холодным, всегда ясным и светлым умом отлично понимал, в чем тайна его колоссальной популярности и могучей крепости его трона, который и в самом деле мог быть низвергнутым лишь после отчаянейших и долгих усилий всей Европы [7, с. 16]. <...>

Наполеон был несокрушим, и всякая борьба против него неизменно кончалась гибелью его противников, пока он выполнял свою роль "хирурга истории", ускоряющего торжество исторических прогрессивных принципов, пока он уничтожал огнем и мечом обветшалый и без того осужденный на слом европейский феодализм. Когда Маркс и Энгельс указывали, что наполеоновские войны в известном смысле сделали в странах континентальной Европы то дело, которое совершала гильотина во Франции в годы революционного террора, они имели в виду именно разгром всех европейских феодально- абсолютистских монархий, учиненный Наполеоном. От этих страшных ударов европейский феодальный абсолютизм уже никогда не мог вполне оправиться [7, с. 17]. <...> С течением времени подвластные народы все более и более тяжело переносили деспотическое владычество Наполеона и прежнее сочувствие к нему начало сменяться разочарованием, наконец, прямой враждой [7, с. 18]. <...> Но все-таки даже и в эти последние, самые тяжелые для побежденной Европы годы наполеоновского владычества все подданные французского императора без различия национальности и вероисповедания – и немцы, и итальянцы, и поляки, и голландцы, и бельгийцы, и славяне в Иллирии, и евреи – чувствовали себя под твердой защитой закона и были вполне уверены, что их личность и имущество зорко охраняются императорской полицией, императорскими судьями и администраторами от каких бы то ни было насилий, грабежа, воровства, нападения и посягательств» [7, с. 18]

Тарле был против аналогии Наполеона с Гитлером:

«В том то и дело, что Наполеон был деспот, но умный деспот, завоеватель, и не мародер, государственный человек, а не предводитель разбойничьей банды, гениальный законодатель, а не орудие шайки уголовных мошенников, и к своей исторической роли он готовился на полях победоносных битв, совершая бессмертные в военной истории стратегические и тактические подвиги в Италии и Египте, а не промышляя темными делами и делишками, в том числе ремеслом платного "осведомителя". Что угодно можно сказать о Наполеоне – и что он был способен на тиранические действия, на самые жестокие дела, и что проливал без конца человеческую кровь, и что вел захватнические, вопиющие, несправедливые войны, но одного только не скажет о нем ни один сколько-нибудь знающий историк – не признает в нем сходства с Гитлером, не выберит его "Гитлером"» [7, с. 19].

К важнейшим переломным моментам в истории международных отношений, в особенности в истории внутренней и внешней политики России, Тарле относил КРЫМСКУЮ ВОЙНУ 1855–1856 гг. Ее исследованию он посвятил свое двухтомное сочинение, созданное на основе архивных малоизвестных документов. Тарле показал, чем в этой войне руководствовались царь, британский кабинет, император французов, решаясь на вооруженную борьбу за турецкую добычу, и не только за турецкую добычу, но и за все, что было связано с вопросом об овладении Турцией. Тарле подчеркивал, что представители различных общественно-политических течений в западной Европе и в России смотрели на события 1855–1856 гг. как на кровавый конфликт. Тарле высказал свою точку зрения на то, что Николай I был непосредственным инициатором дипломатических заявлений и действий, поведших к возникновению войны с Турцией, «царизм начал, и он же переиграл эту войну, обнаружив свою несостоятельность и в дипломатической области, и в организации военной обороны государства, страдавшего от технической отсталости и от общих последствий господства дворянско-феодалного крепостнического строя» [8, с. 11].

Вместе с тем Тарле отмечал, что, *однако, война была агрессивной не только со стороны царской России*. Турецкое правительство охотно пошло на развязывание войны, преследуя определенные агрессивные реваншистские цели – возвращение северного побережья Черного моря, Кубани, Крыма... *Война оказалась грабительской с обеих сторон, если судить по мотивам, руководившим «"политикой далекого прицела"»* *обоих противников*.

Тарле подчеркивал, что не следует полагать, что *дипломатические, а потом и военные выступления Англии и Франции были только одним лишь желанием защитить Турцию от нападения со стороны России*. *Напротив, обе западные державы имели в виду отстоять Турцию исключительно с тем, чтобы с предельной щедростью вознаградить себя (за турецкий счет) за эту услугу и прежде всего не допустить Россию к Средиземному морю и участию в будущем дележе добычи и к приближению к южноазиатским пределам*.

Тарле делал вывод: *«Обе западные державы стремились захватить в свои руки и экономику, и государственные финансы Турции, что им полностью удалось сделать в результате войны, обе деятельно между собой конкурировали и враждовали после Крымской войны, стараясь обогнать друг друга на путях систематического обирания турецкой державы. На жестокий промах русской дипломатии и Пальмерстон, и Наполеон III посмотрели как на счастливый неповторимый случай выступить вместе против общего врага. "Не выпускать Россию из войны", изо всех сил бороться против всяких запоздалых попыток русского правительства, когда оно уже осознало опасность начатого дела ... И именно тогда, когда русские ушли из Молдавии и Валахии, и уже речи не могло быть об угрозе существованию или целостности Турции, союзники напали на*

Одессу, Севастополь, Свеаборг и Кронштадт, на Колу, Соловки, на Петропавловск-на-Камчатке, а турки вторглись в Грузию».

Тарле констатировал, что *тяжкая война покрыла новой славой русское имя* благодаря воинскому искусству, беззаветной храбрости и горячей любви к Родине Нахимова, Корнилова, Истомина, Васильчикова, Хрулева, Тотлебена, 16 тысяч нахимовских матросов, из которых было перебито 15 200 человек, десятков тысяч солдат, легших костями в Севастополе и вокруг Севастополя [8, с. 13].

Тарле объяснял, что Николай I во внешнеполитических своих действиях никогда не забывал, что он, помимо всего прочего, «первый петербургский помещик»; подчеркивал, как факт очевидный и совершенно неоспоримый, заинтересованность крупных землевладельцев крепостной империи в расширении и обеспечении экспортной торговли на южных и юго-восточных границах России, на Балканском полуострове, на всем турецком Леванте.

Тарле считал, что безмерно преувеличено в ходе Крымской войны значение религиозного фактора. Он иронично относится к оценке «увлекавшегося» поэта Тютчева, который восклицал, как русский царь падет ниц, молясь богу в храме Св. Софии, и встанет как всеславянский царь. В качестве глобальной ошибки Николая I Тарле рассматривал его расчет на помощь Англии, которая в конечном счете посчитала, что утверждение влияния России в Молдавии, Валахии, Сербии, Болгарии, Греции, переход в ее руки проливов и Константинополя слишком мало компенсировались приобретением (Англией) Египта и Крита и даже всего Архипелага, хотя о нем пока и речь еще не заходила. А кроме того, разложение турецкой империи влекло за собой рано или поздно переход части или всей Малой Азии, сопредельной с Кавказом, в русские руки.

Тарле отмечал, что, рассматривая события, «нельзя суживать и вульгаризировать марксистское понимание исторической связи причин и следствий, сводя возникновение Крымской войны единственно только к непосредственной экономической борьбе России с Англией и Францией за турецкий рынок сбыта, за турецкий ввоз и вывоз. Однако это крайне важная сторона дела не может остаться вне поля зрения историка» [8, с. 54].

Таким образом, тема Крымской войны, ее причин, экономических предпосылок исследована Тарле с точки зрения анализа противоречий великих держав в отношении Восточного вопроса, внешнеполитических основ, международного права и дипломатии. Тарле объективно обосновал вывод о том, что союзникам Османской империи не удалось достичь своих целей по долгосрочному ослаблению России.

Уже после окончания Великой Отечественной войны Тарле на малоизвестных документах пяти центральных архивов Москвы и Санкт-Петербурга написал труды по истории русского военно-морского флота. В труде «Чесмен-

ский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг» (1769–1774), опубликованном в 1945 г., Тарле писал о том, что «блеск русской славы сиял над Чесмой, над Ларгой, над Кагулом. Зависть, недоумение, порой невольное восхищение и прежде всего беспокойство, овладевшее многими европейскими кабинетами впервые после Чесмы, сказывались в правящих кругах Европы все более и более».

В 1945–1946 гг. был опубликован труд «Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800)». Давая оценку Ушакову, Тарле отмечал, что его звезда «не сразу засияла над Черным морем». И далее: в России, хотя и поздно, лишь в наше время, все же оценили Ушакова и высоко вознесли его имя. Что же касается Западной Европы и Америки, то его и теперь продолжают там почти вовсе игнорировать.

Третьему победоносному появлению русских вооруженных сил в Средиземном море была посвящена работа Тарле «Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807гг.)», опубликованная в 1948 г.

Несмотря на блестящее и патриотичное освещение событий о военноморском прошлом России, Тарле вновь был подвергнут критике за то, что недостаточно четко осветил вопрос об агрессивной сущности внешней политики и дипломатии царского самодержавия. Критики отмечали, что нельзя назвать правильным стремление автора доказать, что Ушаков превосходил Нельсона как флотоводец: оба они были выдающимися стратегами, но каждый из них был представителем своей школы, своего направления. Критиковали Тарле за то, что не всегда он прав и в оценке деятельности Екатерины II, в некоторых случаях он не доводит до конца анализ классовой сущности ее внешней политики и дипломатии [9, с. 6].

Важная часть творчества Тарле – это мастерски составленные им портреты знаменитых личностей, вошедших в мировую историю. В настоящей статье остановимся лишь на отдельных ярких характеристиках, данных Тарле *императору Петру I, французскому политику и дипломату Талейрану и графу Витте*.

Тарле чрезвычайно восхищался личностью Петра I. «Мы, люди советской эпохи», отдаем должное «достижениям замечательного поколения Петра Великого, которое сделало очень много из того, что тогда было возможно сделать для борьбы с этой отсталостью, и которое низвергло в бездну дерзкого агрессора, покусившегося на честь, землю и достояние русского народа» [9, с. 6].

Личность Петра нашла отражение в труде Тарле «Северная война и шведское нашествие на Россию»¹. Опубликованная в 1958 г., она написана в основ-

¹ Работа Тарле отличается глубиной проникновения в аспекты общей проблемы, связанные с тематикой: шведское вторжение в пределы России; битва под Лесной; начало народной войны против шведов и наконец осада Полтавы и сражение под Полтавой 27 июня 1709 г.

ном на русских источниках, неизданных архивных данных, освещающих как в течение всей Северной войны Россия боролась сначала за свое существование, за свою национальную свободу и честь и за свое будущее [9, с. 787]. Автор пишет не о всей Северной войне, а только о героической борьбе, происходившей на русской территории, куда весной 1708 г. вторгся и где в июне 1709 г. нашел свою полную гибель агрессор [9, с. 365]. В предисловии к работе Тарле отмечал: «В долгой исторической эпопее сопротивления России всем агрессорам, периодически пытавшимся подчинить ее своей воле и своим интересам, катастрофическая гибель шведских захватчиков навеки заняла по праву одно из самых выдающихся мест» [7, с. 21]. Тарле считал Петра первоклассным полководцем начала XVIII столетия и делал вывод, что «за прошлые века очень мало можно насчитать сражений, которые, как Полтава, обличали бы такую зрелую продуманность в подготовке и развитии боевых действий, такое проникновение в психологию противника и такое умение использовать его слабые стороны, с этим не будет спорить никто, сколько-нибудь добросовестно и беспристрастно изучивший петровскую документацию» [9, с. 379].

Тарле удалось обнаружить довольно любопытное свидетельство, а именно рассуждения Наполеона, находившегося в Кремле 15 октября 1812 г., о Петре I. В беседе с генералом графом Нарбонном Наполеон называет Петра человеком, сделанным из гранита, человеком, который создал цивилизацию в России и который «заставляет меня теперь, сто лет спустя после его смерти, вести этот страшный поход» [7, с. 21].

Отдельное исследование Тарле посвящено портрету французского дипломата Талейрана¹, который, по оценке ученого, как человек нового буржуазного периода, всю жизнь изменял всем правительствам, неуклонно служил и способствовал упрочению всего того, чего достигла крупная буржуазия при революции и что она старалась обеспечить за собой при Наполеоне и после Наполеона [10, с. 13].

Тарле подчеркивал: Талейран *«знал, что все эти затейливые придворные и альковные интриги, все эти маскарадные посылки эмиссаров и негласных сотрудников и все эти расчеты на влияние такой-то любовницы или на религиозное суеверие такого-то монарха, что все эти ухищрения и погремушки дипломатии XVIII столетия теперь хотя и могут быть с успехом пущены в ход, но что наступило время, когда нужно больше считаться и у себя и в чужой стране с банкиром, а не с королевской фавориткой, с биржевыми облигациями, а не с перехваченными интимными записочками, с дуэлями, где дерутся при помощи таможенных тарифов, а не при помощи рапир. ... Слуга буржуазного государства Талейран отличался от дипломатов старой школы, абсолютно не*

¹ Работа написана в 1939 г.

понимавших, что первая половина XIX столетия не очень похожа ни на середину, ни даже на конец XVIII в., он нисколько не походил и на русского канцлера Карла Васильевича Нессельроде, который гордость свою полагал в том, что был всю жизнь верным слугой и прислужкой Николая I» [10, с. 14].

Тарле акцентирует внимание на главные воззрения Талейрана, который, во-первых, понимал абсолютную невозможность удержать или реставрировать дворянско-феодальный строй во Франции конца XVIII и начала XIX столетия и поэтому «...изменил монархии Людовика XVI и перешел в 1789 г. на сторону буржуазной революции, а потом вторично изменил Бурбонам и перешел на сторону буржуазной июльской монархии Луи-Филиппа после победоносной июльской революции 1830 г.» [10, с. 16]. Во-вторых, Талейран понимал, что невозможно «...создание всемирной монархии путем завоевательных войн, подчинение всех европейских монархов французскому самодержцу». Талейран понимал, что это «предприятие несбыточное, абсурдное, которое безусловно должно окончиться провалом и катастрофой для Франции. Поэтому он изменил **Наполеону** сначала (в 1808–1813 гг.) тайно, а потом (в 1814 г.) открыто и перешел на сторону врагов императора».

Тарле пишет, что Талейран «...никогда не служил этим своим двум основным идеям прямой борьбой, а всегда долгими тайными подкопами, за которые получал вознаграждение от тех, в пользу которых он вел свою подрывную работу, одновременно продолжая получать в изобилии все блага земные и от тех, под кого подкладывал свои мины, кого предавал и продавал и кого при случае даже намеренно сбивал с толку своими всегда корыстными советами ... Престиж конечной победы его основных воззрений и постоянный личный его успех как-то совокупно повышали всегда, а особенно к концу жизни, его авторитет в глазах буржуазной массы не только Франции, но и всей Европы и Америки» [10, с. 17].

Тарле напоминает, что на Венском конгрессе 1814–1815 гг. Талейрана прозвали наибольшей канальей всего столетия (*la plus grande canaille du siècle*). «Никогда ни единого раза он не сделал даже и попытки хоть немного удержать Наполеона и от начальных конфликтов, и от дипломатической агрессии, и от войн, и от конечных завоеваний. Самые высокомерные, вызывающие ноты, провозгласившие войну, писал именно он – вроде, например, вышеупомянутой отповеди в 1804 г. императору Александру по поводу казни герцога Энгиенского с прямым указанием на убийство Павла и намеком на участие Александра в этом деле» [10, с. 139–140].

Тарле в работе «**Опыт характеристики внешней политики**», воспроизводя свое видение деяний графа С.Ю. Витте, отмечал, что основная черта Витте, конечно, жажда и, можно сказать, пафос деятельности [11, с. 511]. Он не честолюбец, а властолюбец. Не мнение о нем людей было ему важно, а власть над ними была ему дорога. Не слова, не речи, не статьи, а дела и дела, – вот единствен-

ное, что важно [11, с. 514–515]. О взаимоотношениях Николая II и Витте Тарле отмечал: *«Со стороны Витте по отношению к Николаю – недоверие и презрение; со стороны Николая по отношению к Витте – недоверие и ненависть. Витте тоже признает: "Конечно император Николай II не Павел Петрович, но в его характере немало черт последнего и даже Александра I (мистицизм, хитрость и даже коварство). Но, конечно, нет образования Александра I, Александр I по своему времени был одним из образованнейших русских людей, а император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства"»* [11, с. 515]. Тарле особо отмечал, что основой всех воззрений Витте на нынешнюю политику является глубокое убеждение, что Россия не может и не должна воевать [11, с. 515]. Тарле подчеркивал, что Витте разрешал колоссальные проблемы в ходе введения и упрочения протекционизма, или вроде золотого денежного обращения, или вроде винной монополии, или торговых договоров с иностранными державами. В импорте иностранного капитала и в развитии (при помощи этого капитала) промышленности в России. Витте видел одну из главных целей, к которым должна стремиться государственная власть. Что вся эта эволюция со временем может усилить агрессивность русской внешней политики, Витте по-видимому не думал ... С точки зрения Витте России требовалось только одно: не ввязываться ни в какую войну... Именно инстинктом Витте понимал всю ошибочность и эфемерность национального самохвальства, окружавшего его в течение большей части его жизни, но особенно усилившегося с 1894 г. со времени вступления Николая II на престол [11, с. 564]. По моему глубочайшему убеждению, если бы не был заключен Портсмутский мир, то последовали бы такие внешние и внутренние катастрофы, при которых не удержался бы на престоле дом Романовых. Эта мысль Витте является характерной для всего его внешнеполитического воззрения. Все что угодно, но только не воюйте, потому что вы можете погибнуть и без войны, но при войне вы не можете не погибнуть. Вот как резюмируется вся его борьба против самоубийственной внешней политики абсолютистского строя [11, с. 564].

На всех переломных этапах государственного развития страны, связанных с меняющимися геополитическими реалиями, высшее руководство страны всегда проявляло интерес к истории, очевидно пытаясь осмыслить и актуализировать применительно к современным условиям ранее выстраданные как властью, так и обществом этапы и уроки государственного развития.

В середине 1944 г., когда уже завершалось освобождение советской территории и предстояло перенести боевые действия Красной армии за рубеж, выстраивая новые геостратегические и геополитические отношения с союзниками

по коалиции, высшим руководством СССР неожиданно оказалась востребованной актуализация уроков тысячелетней истории России.

Эта востребованность исторического опыта по проблемам русской государственности, оставленного ушедшими поколениями, настоятельно проявилась в проведенном в мае – июле 1944 г. в ЦК ВКП(б) закрытом совещании по вопросам истории, ставшим в годы войны важнейшим событием в развитии общественной мысли. Изучение этих материалов, длительное время недоступных, свидетельствует о важности этого форума, проведенного в ходе войны. В отношении полной источниковой доступности всех материалов этого закрытого мероприятия до сих пор остаются сомнения. В РГАСПИ в фонде А.С. Щербакова (Ф.88. Оп.1) хранится дело № 1051 под названием «Стенограмма совещания по вопросам истории».

Следует подчеркнуть, что ход работы совещания отличался резкостью суждений со стороны всех выступавших, высказыванием взаимоисключающих и хлестких оценок по ключевым проблемам истории советского времени. Участвовавшие на совещании понимали, что выступают перед грядущими поколениями и эпохами, вместе с тем они считали возможным «бросить камень» в своего коллегу, хорошо понимая, какие могут быть последствия.

Неожиданно объектом критики академика А.М. Панкратовой стал академик Е.В. Тарле. Панкратова высказала такое соображение: «Я считаю, например, не только теоретически ошибочной, но и политически вредной лекцию академика Тарле на тему: "О роли территориального расширения России в XIX веке" ... В своих лекциях в Саратове академик Тарле решил пересмотреть два основных положения, подчеркнутых в "Замечаниях" гг. Сталина, Кирова, Жданова: во-первых, положение о том, что царская Россия была "тюрьмой народов" и, во-вторых, положение, что царизм на определенном историческом этапе играл роль "жандарма Европы"» [12, Л. 71]... Панкратова упрекала Тарле в откровенном возрождении тезиса Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое... Академик Тарле, по мнению Панкратовой, аргументирует свое оправдание царской захватнической политики тем, что теперь нас, якобы, спасли пространства. «Если сейчас, – говорил он (Тарле) в этой лекции, – мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, который на нас напал, то один из факторов этой победы заключается в этой громадной территории, – это один из моментов, который сейчас является одним из спасающих нас факторов...».

Вся лекция Тарле, по мнению Панкратовой, была проникнута идеей о том, что «СССР ныне спасли пространства, завоеванные царизмом» [12, Л. 71]. В ответ на резкую в его адрес критику Е.В. Тарле объяснил, что приглашение на совещание застало его на персидской границе в Ереване; он отметил, что не считает, что только расстояния и пространства спасают, но не признавать этот фактор пространства нельзя, ибо это азбучный факт военно-политической истории.

Тарле также еще раз озвучил свой исторический вывод периода Крымской войны, что после нее «Великий Колосс» не пал, и даже не покачнулся [12, Л.176], но под этим он понимал не самодержавие, а русский народ. «Ведь когда мы имеем в виду Россию, – говорил Тарле, – мы должны ее сравнивать с antecedентами великих государств. А Римская империя, например, была таким antecedентом»¹ [12, Л. 177].

Критиковали Тарле и профессор А.Л. Сидоров, подчеркнув, что «исторические выводы и уроки Тарле плохо вяжутся с марксистскими оценками» и что для него (Сидорова) непонятно стремление Тарле возвеличивать монархию. Сидоров упрекал Тарле в оценке внешней политики канцлера Александра Михайловича Горчакова. Сидоров говорил следующее: «Признак непоколебленной линии царской России академик Тарле видит в том, что в конечном итоге Горчаков легко своим "волеизлиянием" уничтожил позорные статьи Парижского мира»². В этом он (Тарле) видит и особую защиту Горчакова. «Здесь присутствует один из товарищей, который специально занимается Горчаковым, – продолжал Сидоров. – Я не знаю, согласен ли он (имелся в виду профессор С.К. Бушуев. – Т.Б.) с Тарле? Видимо, да, иначе он не назвал бы Горчакова представителем национальных интересов России».

А.М. Панкратова обращала внимание присутствовавших на следующее: «Я вновь хочу подчеркнуть громадную ответственность наших выступлений. Когда товарищи выступают и говорят, что первым фактором наших побед является не советский строй, а то, что царская Россия завоевала обширные пространства, а т. Аджемян договорился даже, что борьба за пространственный максимум была исторической прогрессивной задачей царской России, то я вновь и вновь хочу напомнить о политической ответственности наших выступлений. Не свернете ли Вы к Милюкову, который говорил о "естественных границах" России, которых никто не мог определить? ... И не пахнет ли от этих ненужных разговоров о "пространствах" дурным запахом всяких "теорий" о "жизненном пространстве"? ... Разве есть хоть один намек в стенограмме лекции Тарле на роль советской власти?» [12, Л. 71–72].

По утверждению Панкратовой, СССР явился не продолжением, а отрицанием «единой, неделимой» России. «Единство СССР, – подчеркивала она, – вы-

¹ Antecedent — предшествующий случай, по которому можно делать заключение о подобном ему настоящем.

² Циркуляр 19(31) октября 1870 г. извещал правительства держав, подписавших Парижский мирный договор 1856 г., что Россия не считает себя связанной постановлениями, ограничивавшими ее суверенные права на Черном море (запрещение держать там военный флот, строить укрепления). В циркуляре отмечалось, что русское правительство точно соблюдало все статьи договора 1856 г., тогда как великие державы Запада неоднократно нарушали его.

росло в результате разрушения царской России – вернее, прочное единство СССР выросло в результате разрушения царской России как "тюрьмы народов". Вот почему мне кажутся не только спорными, но и вредными установки лекций акад. Тарле»¹ [12, Л. 72]. По ее убеждению, «самая лучшая позиция – это марксистско-ленинская позиция, требующая объективного и всестороннего анализа и классового подхода» [12, Л. 76]. На этом совещании столкнулись великодержавные позиции одной группы ученых, в их числе Е.В. Тарле, и интернационализм другой части исторического сообщества, с их лидером А.М. Панкратовой. На «историческом фронте», окруженном идеологическим диктатом власти, в 1941–1945 гг. шла своя война, драматичная и бескомпромиссная, нередко стоившая жизни. Безусловно, ряд положений академика со временем был пересмотрен, учитывая существовавшую идеологию, и сам он подвергался гонениям.

В исторических уроках, оставленных Тарле, сохранились его предложения о том, какой должна быть книга по истории для детей². Тарле считал необходимым воспитывать людей, преданных своей Родине, своему народу, гордящихся своей страной, ее прошлым и настоящим и верящих в ее будущее [10, с. 844].

Ученый рассуждал о том, что «новая советская историческая книга должна помочь правильно понять, образно, взволнованно почувствовать жизнь прошлого, дать полноценную картину эпохи, показать исторических героев, боровшихся за прогресс человечества, преодолевавших враждебные им силы. Историко-биографические произведения очень важны в деле коммунистического воспитания молодежи, если они красочно и увлекательно рассказывают о чувствах патриотизма, преданности интересам народа, о бесстрашии и храбрости передовых исторических деятелей» [10, с. 840].

Тарле рассуждал о том, что история человечества дает богатейший материал. Все дело в том, как использовать, как разработать этот материал. Здесь много подводных камней, о которых могут разбиться и разбивались не однажды самые добрые намерения.

¹ В Российском государственном архиве социально-политической истории среди документов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), относящихся к совещанию историков летом 1944 г., находится незаверенная и неправленная копия (2-й экз. под копиру) машинописной расшифровки стенограммы под названием «Доклад академика Тарле на ученом совете Ленинградского университета – О роли территориального расширения России в XIX–XX вв.». В том же деле подшиты неправленные стенограммы доклада Тарле «О военно-морской тематике в исторической и художественной литературе» 21 февраля 1944 г. на совещании историков и писателей (вероятно, в Институте истории АН СССР) и публичной лекции «Основные моменты новейшей истории русской дипломатии» (25 февраля 1944 г.).

² Публицистическая статья Тарле об исторической книге для детей была опубликована в газете «Известия» 27.12.1940 г.

Ученый приводил пример исторических романов о Разине и Пугачеве, которых судьба подняла на большую высоту, они имели огромное значение в истории русского, да и не только русского, народа. Они отражали стихийное возмущение крестьянства, в них была большая простота, огромная, увлекающая массы эмоциональная сила, но были и разбойничьи элементы. Дети очень чутки, и если пересахаришь героя, они это заметят и никогда не простят автору. Полтавская победа Петра была победой над грозным врагом. И татары были отнюдь не такими дикими, как это изображалось когда-то историографами. Нашествие татар было очень зрело обдуманым предприятием. Забвение исторических условий борьбы того или другого героя приводит к ошибкам, весьма вредным для детей [10, с. 842]. Тарле предлагал знакомить детей с такими отчаянно смелыми путешественниками, как Беринг или Дежнев, Пржевальский или Миклухо-Маклай, с такими страстными учеными, как Ломоносов, с такими изумительными гениями, как Лермонтов. А какие интереснейшие произведения можно создать, популяризируя научную литературу о Шампольоне, Диккенсе.

Тарле говорил о том, что наука движется вперед и время является самым сильным испытанием ее достижений. Эти рассуждения можно отнести ко всему творчеству Е.В. Тарле, труды которого весьма полезно читать и перечитывать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антюхина-Московченко В.И. Ученый-патриот Е.В. Тарле // Новая и новейшая история. – 1966. – № 4; Чапкевич Е.И. Жизнь и деятельность Е.В. Тарле в дореволюционный период // Некоторые проблемы классовой борьбы в период капитализма. – М., 1966; Баженов В.В. Биографический метод в научном творчестве академика Е.В. Тарле // История и историки: историографический ежегодник. 1972 / отв. ред. М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1973; Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2. Часть первая. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле / Редколл.: Ж.И. Алфёров, Б.В. Ананьич, В.П. Леонов, Е.В. Лукин, В.М. Панеях, С.В. Степашин, А.Н. Цамутали. – СПб., 1998. – 308 с.; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. – СПб.: изд-во Европейского ун-та, 2025. – 376 с.; Рутенбург В.И. Е.В. Тарле – ученый и общественный деятель // Проблемы истории международных отношений. – Ленинград, 1972; Чапкевич Е.И. Е.В. Тарле. – М.: Наука. 1977; Титан российской исторической науки. К 150-летию со дня рождения академика Е.В. Тарле. Сидоров А.В., Сидорова Л.А., Тихонов В.В. // Вестник российской истории. – 2024. – № 11. – С. 1032–1042.
2. Академик Евгений Викторович Тарле. Сочинения. (Далее – Тарле Е.В. Соч.). Т. VI. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 815 с. С. 487.

3. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Исторические очерки. Ч. 1. – СПб., 1909. – 317; Ч. 2. – СПб., 1911. – 581 с.
4. Тарле Е.В. Соч. Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 749 с. С. 195.
5. Тарле Е.В. Соч. Т. III. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 655 с.
6. Тарле Е.В. Соч. Т. V. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 596 с. Статья Тарле «Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат» впервые опубликована в журнале «Вопросы истории». – 1952. – № 3. – С. 34–82.
7. Тарле Е.В. Соч. Т. VII. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 566 с. С. 16.
8. Тарле Е.В. Соч. Т. VIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 561 с. С. 11.
9. Тарле Е.В. Соч. Т. X. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 875 с. С. 6.
10. Тарле Е.В. Соч. Т. XI. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 881 с. С. 13.
11. Тарле Е.В. Соч. Т. V. ... С. 511.
12. РГАСПИ. Ф.88. Оп.1. Д.1051. Л.71.

Информация об авторе: Бушуева Татьяна Семеновна, кандидат исторических наук. г. Москва, Россия Институт национальной памяти, г. Москва, Россия
ORCID id: [https:// orcid org /0000 –0002 -7298-768 X](https://orcid.org/0000-0002-7298-768X)
e-mail t_bush@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author: Bushueva Tatyana Semenovna, candidate of historical sciences. Moscow, Russia Institute of National Remembrance, Moscow, Russia
ORCID id: [https:// orcid org /0000 –0002 -7298-768 X](https://orcid.org/0000-0002-7298-768X)
e-mail t_bush@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 01.10.2025

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 05.10.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2025

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests